

25 OKT 1970

БОРИС АЛЕКСАНДРОВ

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Солдаты Александрова. Золотые лиры на погонах. Легендарная «Калинка» и танцор, распластавшийся в воздухе в лихом прыжке. Дважды Краснознаменный и орден Красной Звезды... Первый советский коллектив, награжденный в Париже золотым (в честь выпуска миллионной грампластинки) диском с записью своей программы. «Если концерт ансамбля Красной Армии», — пишет критик, английской газеты «Аргус», — не заставил вас аплодировать, улыбаться, топтать ногами, прищелкивать пальцами — то, честное слово, вы годитесь только на то, чтобы вас уложили в гроб и отнесли на ближайшее кладбище».

Полковник Б. А. Александров опускает голышку звукоснимателя и сквозь шип, треск, стук старинной пластинки прорывается голос неизвестного певца: «Солдатушки, бравы ребятушки».

— Это была первая солдатская песня, — улыбается Борис Александрович, — которую я услышал мальчишкой. Мы загорали в устье Тверцы, а на другом берегу Волги шли с этой песней пехотинцы. А я был счастлив тем, что в этот день проплыл по Волге первые свои сажени. Так вот и получилось, что песня и радость стали для меня неразделимы...

— Известно, что основатели ансамбля Александр Васильевич Александров, создавая первые программы, тщательно изучал образцы старых солдатских песен. Кановы традиции старинного солдатского

песнетворчества в нынешнем репертуаре ансамбля?

— Да, у меня и сейчас еще сохранилась тетрадка отца с записями старых песен. Бывая в войсках с концертами, он часто заходил в казармы, присаживался у солдатских костров, много записывал.

Наш ансамбль долгие годы исполнял «Взвейтесь, соколы, орлами», «Солдатушки, бравы ребятушки». Песни-ветераны уступили позднее место двум другим с не менее славной историей: «Бородино» и «Донцы-молодцы». Очень интересна стилизованная «Старосолдатская» песня В. Соловьева-Седого на слова Я. Голякова и другие.

К нам часто приходят письма, в которых бывшие фронтовики и участники гражданской войны присылают песни своих полков и дивизий.

— Краснознаменный ансамбль — тоже ведь воинское подразделение со своими боевыми задачами. Расскажите о них, если это не составляет военной тайны... Кановы они?

— Не только не составляют никакой тайны, но и напротив... В первой же афише «Ансамбля красноармейской песни», выпущенной в 1928 году, задачи эти торжественно провозглашались: «1) Собирающие песен Красной Армии, сохранивших в памяти у отдельных бойцов. 2) Популяризация среди широких рабоче-крестьянских и красноармейских масс песен Красной Армии и ознакомление их с выдающимися моментами героической борьбы Красной Армии. 3) Работа над новой красноармейской песней...».

Эти главные задачи остаются насущными и поныне.

— Песня — оружие. Но ес-

ли каждое оружие имеет свои тактико-технические данные, то кановы, так сказать, тактико-эстетические данные военной песни?

— Вот только два примера из истории Великой Отечественной войны. Их можно привести тысячи...

Летом 1941 года музыкантский взвод одного из полков Брестской крепости оказался засыпанным рухнувшей стеной. И вдруг из-под обломков раздался звук трубы — неизвестный трубач играл марш полка... Осенью того же года бойцы Ленинградского фронта шли в контратаку под музыку баяниста, который играл «Священную войну».

Степь, зной, солдаты идут из последних сил. И вдруг — песня: «Приказ голов не вешать и смотреть вперед!» Тверже шаг, легче ноша, короче путь.

С песней на смерть, с песней на подвиг. Потому-то она «веселая и грустная, как русская душа».

— Известно, что были пехотные, кавалерийские, эшелонные песни. В армии сейчас новая техника, новые ритмы — сказывается ли это на современной походной песне?

— Разумеется, в армии новые ритмы. Есть ритм, в котором мелькают траки танковых

гусениц или мигают лампочки на локаторном пульте... И есть песни ракетчиков, десантников, связистов. Каждый род войск имеет свои собственные песенные «штандарты», в которых отражена и специфика службы, и географическая зона, и боевой путь части. Но остался извечный воинский ритм — тяжелая поступь солдатского шага, древний ритм ратного труда. И когда современные мотострелки, оставив свои бронетранспортеры, отмеряют в пешем строю дедовские версты, снова звучит походная песня «под левую ногу».

— Наиболее памятный для вас случай в зарубежных гастроях?

— Несколько лет назад выступали мы в римской «Олимпии» — сачом большим в Европе спортивном зале. Под занавес исполнили «Катюшу» и песню итальянских партизан «Белла чао». Что было! Четырнадцать тысяч зрителей, как один, начали подпевать, отбивать хлопками такты, а потом публика ринулась на сцену: нас обнимали, качали, отрывали на память пуговицы и кокарды...

— Чтобы взгляд дирижера обрел силу взмаха капельмейстерской палочки, некоторые, говорят, берут уроки гипноза...

— Ну, может быть, гипноз и ни к чему, а вот эмоциональность, искренняя и страстная, должна пронизывать все: руки, кисти, кончики пальцев. Без нее дирижер превращается в метроном.

Я иногда подпеваю ансамблю — вслух ли, про себя, главное — показать артикуляцией: «больше выразительности!» или «дружнее!» Так что управляют хором не только дирижерская палочка... После хорошего концерта чувствуешь себя, как козась после покоса...

— У вас на рояле нотные черновики...

— Это наброски будущего триптиха «На страже». Я пишу музыку на стихи поэта Александра Годова о ракетчиках, летчиках-перехватчиках и подводниках. Эта работа войдет в новую программу ансамбля, посвященную XXIV съезду КПСС.

Я попросил Б. Александрова на прощание показать самый главный свой дирижерский «инструмент». Композитор открыл футляр. В нем скромная ясеневая палочка — маршальский жезл солдатской песни.

Беседу вел лейтенант
Н. ЧЕРКАШИН.